Анджей Сапковский

Золотой полдень

Анджей Сапковский
Золотой полдень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122194

Аннотация

В небольшой повести Анджея Сапковского «Золотой полдень» все события, происходящие в «Алисе в стране Чудес», даны от лица Честора, Чеширского кота.

Содержание

* * * 4
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Анджей Сапковский
Золотой полдень

* * *

Июльский полдень золотой
Сияет так светло… [1]
Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес»

Полдень обещал быть просто изумительным, как и большинство тех прелестных полдней, которые существуют исключительно для того, чтобы проводить их в долгом-предолгом и сладком far niente[2], пока окончательно не утомишься роскошным ничегонеделанием. Конечно, столь благостного расположения духа и тела невозможно достичь просто так, за здорово живешь, без подготовки и без плана, а запросто развалившись где попало. Нет, дорогие мои. Это требует предварительной активности как интеллектуального, так и физического характера. Безделье, как говорится, надобно заслужить.

Поэтому, чтобы не терять ни одной из скрупулезно подсчитанных минут, из которых, как правило, и складываются эти роскошные часы, я приступил к делу, а именно: отправился в лес и вступил в него, проигнорировав установленную на опушке предостерегающую табличку «ОСТОРОЖНО: БАРМАГЛОТ». Без губительной в таких случаях поспешности я отыскал соответствующее канонам искусства дерево и влез на оное. Затем отобрал подходящую ветвь, руководствуясь при выборе теорией о revolutionibus orbium ccoelestium[3]. Что, чересчур умно? Тогда скажу проще: я выбрал ветвь, на которой в течение всей второй половины дня солнце будет пригревать мне шкурку.

Солнышко пригревало, кора дерева благоухала, пташки и насекомые распевали на разные голоса свои извечные песни. Я улегся на ветке, изящно свесил хвост, положил подбородок на лапы и уже собрался было погрузиться в вышеупомянутую благостную дрему, уже готов был продемонстрировать всему миру свое безбрежное к нему безразличие, как вдруг высоко в небе заметил темную точку.

Точка быстро приближалась. Я приподнял голову. В нормальных условиях я, возможно, и не снизошел бы до того. чтобы обращать внимание на приближающиеся темные точки, поскольку в нормальных условиях такие точки чаще всего оказываются птицами. Но в Стране, в которой я временно пребывал, условия нормальными не были. Летящая по небу темная точка при ближайшем рассмотрении могла оказаться, например, роялем.

Однако статистика уже неведомо в который раз оправдала свой титул царицы наук. Правда, приближающаяся точка не была птицей в классическом этого слова понимании, однако и до рояля ей было далеко. Я вздохнул, поскольку предпочел бы рояль. Рояль, если только он не летит по небу вместе с вращающимся стульчиком и сидящим на нем Моцартом, есть явление преходящее и не раздражающее ушей. Радэцки же – а это был именно Радэцки – умел быть явлением много шумным, утомительным и несносным. Скажу не без ехидства: это в принципе было все, что Радэцки умел.

– А нет ли у котов аппетита на летучих мышей? – проскрипел он, накручивая круги над моей головой и моей веткой. – Так нет ли у котов аппетита на летучих мышей, спрашиваю?

---

[1] Перевод Д.Г. Орловской.

[2] безделье (ит.).

[3] «De revolutinibus orbium…» – название труда Коперника.

– Выметайся, Радэцки.

– Ах, какой ты вульгарный, Честер, хааа-хааа! Do cats eat bats?[4] Так нет ли у котов аппетита на летучих мышей? И нет ли, случайно, у летучих мышей аппетита на котов?

– Ты явно хочешь мне что-то сказать. Давай выкладывай и удаляйся!

Радэцки уцепился коготками за ветку повыше моей, повис головой вниз и свернул перепончатые крылышки, приняв тем самым более приятную для моих глаз внешность мыши из антиподов.

– А я что-то знаю! – тонко пискнул он.

– Наконец-то! Природа безгранична в милости своей.

– Гость! – запищала мышь, изгибаясь словно акробат. – Гость посетил Страну. Наста-а-ал весё-ё-ёлый дееень! У нас гость, Честер! Настоящий гость!

– Ты видел собственными глазами?

– Нет… – Он смутился, пошевелил огромными ушами и смешно покрутил блестящей пуговкой носа. – Не видел. Но мне об этом сказал Джонни Катерпиллер.

Несколько секунд меня не покидало желание как следует и не выбирая выражений отчитать его за то, что он нарушил мою сиесту, распространяя непроверенные слухи, однако я удержался. Во-первых, у Джонни «Блю» Катерпиллера было множество изъянов, но склонность к безответственному трепу и фантазированию не входила в их число. Во-вторых, хотя гости в Стране и были явлением достаточно редким, как правило, будоражащим, однако же случались весьма регулярно. Вы не поверите, но однажды к нам даже попал инка, вконец одуревший от листьев коки или какой-то другой доколумбовой пакости. Вот с ним была потеха! Он метался по округе, приставал ко всем, что-то излагал на никому не понятном языке, кричал, плевался, брызгал слюной, угрожал всем обсидиановым ножом. Но вскоре отбыл, причем навсегда, как и все. Отбыл эффектно, жестоко и кроваво. Им занялась королева Мэб и ее свита, обожавшая именовать себя Владыками Сердец. Мы называем их просто Червями. Les Coeurs[5].

– Я полетел, – неожиданно известил Радэцки, прервав мои размышления. – Лечу сообщить другим. О госте, стало быть. Ну, привет. Честер.

Я растянулся на ветке, не удостоив его ответом. Он его не заслужил. В конце концов, ведь котом был я, а он всего-навсего мышью, хоть и летучей, тщетно пытающейся выглядеть миниатюрным графом Дракулой.

Что может быть хуже, чем идиот в лесу?

Тот из вас, который крикнул, мол, ничто, был не прав. Есть кое-что похуже, чем идиот в лесу.

Это кое-что – идиотка в лесу.

Идиотку в лесу – внимание, внимание! – можно узнать по следующим приметам: во-первых, ее слышно на расстоянии полумили, во-вторых, каждые три-четыре шага она неуклюже подпрыгивает, напевает, разговаривает сама с собой, в-третьих, валяющиеся на тропинке шишки пытается пнуть ногой, но не попадает ни по одной.

И наконец, заметив вас, возлежащего на ветке дерева, восклицает «Ох!» и начинает на вас нахально пялиться.

– Ох! – сказала идиотка, задирая голову и нахально пялясь на меня. – Привет, котик!

Я улыбнулся, а идиотка, хоть и без того болезненно бледная, побледнела еще больше и заложила ручки за спину. Чтобы скрыть их дрожь.

---

[4] Едят ли кошки мышек? (англ.)

[5] Сердца (фр.), то есть Черви (по форме символов на червонных картах).

– Добрый день, сэр котик, – пробормотала она, после чего сделала книксен. Не скажу, чтобы очень уж грациозно.

– Bonjour, ma fille[6], – ответил я, не переставая улыбаться. Мой французский, как вы догадываетесь, имел целью сбить идиотку с панталыку. Я еще не решил, как с ней поступить, но не мог отказать себе в удовольствии позабавиться. А сконфуженная идиотка – штука весьма забавная.

– Ou est chatte?[7] – неожиданно пропищала идиотка. Как вы, несомненно, догадались, это не была беседа. Просто первая фраза из учебника французского языка. Тем не менее – реакция любопытная.

Я поудобнее расположился на ветке. Медленно, чтобы не пугать идиотки. Я уже упоминал, что еще не решил, как поступать дальше. Конечно, я не боялся поссориться с Les Coeurs, узурпировавшими исключительное право уничтожать гостей и резко реагировавшими, если кто-то осмеливается лишить их этого права. Я, будучи котом, естественно, чихал на их исключительные права. Я чихал, кстати сказать, вообще на все права. Поэтому у меня уже случались небольшие конфликты с Les Coeurs и их королевой, рыжеволосой Мэб. Я не боялся таких конфликтов. Даже провоцировал их всякий раз, как только у меня было к тому желание. Однако сейчас я как-то особого желания не ощущал. Но свое положение на ветке поправил. В случае чего я предпочитал завершить дело одним прыжком, ибо гоняться за идиоткой по лесу у меня не было ни малейшего желания.

– Я никогда в жизни, – сказала девочка чуть дрожащим голосом, – не видела улыбающегося кота. Такого, как ты.

Я пошевелил ухом, дав ей понять, что ничего нового она мне не сказала.

– У меня есть кошка, – сообщила она. – Мою кошку зовут Дина. А как зовут тебя?

– Ты здесь гость, дорогая девочка. Так что вначале представиться должна ты.

– О, прошу прощения. – Она сделала книксен и опустила глаза. А жаль, поскольку глаза у нее темные и для человека очень красивые. – Действительно, это было невежливо. Первой должна была представиться я. – Меня зовут Алиса. Алиса Лидделл. Я оказалась здесь, потому что вошла в кроличью нору. Вслед за белым кроликом с розовыми глазами. На нем была жилетка. А в жилетном кармашке – часы.

«Инка, – подумал я. – Говорит понятно, не плюется, у нее нет обсидианового ножа. Но все равно – инка».

– Покуривали травку, мисс? – спросил я вежливо. – Глотали барбитуратики? А может, набрались амфитаминчиков? Ma foi[8], рановато же теперь детишки начинают.

– Не поняла ни словечка, – покрутила она головой. – Не поняла ни слова, котик, из того, что ты сказал. Ни словечка. Ни словечечка!

Она говорила странно, а одета была – только теперь я обратил внимание – еще страннее. Расклешенное платьице, фартучек, воротничок с закругленными уголками, короткие рукавчики с оборочками, чулочки… Да, черт побери, чулочки. И туфельки на ремешках. Fin de siecle[9], чтоб мне провалиться. Значит, наркотики и алкоголь скорее всего следовало исключить. Если, конечно, ее наряд не был костюмом. Она не могла попасть в Страну прямо с представления в школьном театре, где играла Маленькую Мисс Мафет[10], сидящую на песке рядом с пауком. Или прямо с вечеринки, которой юная труппа отмечала успех спектакля,

---

[6] Здравствуй, девочка (фр.).

[7] Где моя кошка? (фр.)

[8] Ей-богу! (фр.)

[9] Конец столетия (фр.).

[10] Маленькая Мисс Мафет. Строчка из популярного детского стишка о Девочке Мафет, которая сидела на холмике и ела сыр, а тут пришел паук, уселся рядом и ужасно напугал ее.

горстями поглощая порошок. Именно это, после некоторого раздумья решил я, было наиболее вероятно.

– Тогда что же мы принимали? – спросил я. – Какое вещество позволило нам достичь особого состояния сознания? Какой препарат перенес нас в Страну Чудес? А может, мы просто неумеренно пили теплый gin and tonic?[11]

– Я? – покраснела она. – Я ничего не пила… То есть только один малюсенький глоточек… Ну, может, два… Или три… Но ведь на бутылочке была бумажка с надписью «Выпей меня». Это никак не могло мне повредить.

– Ну, буквально я прямо-таки слышу Дженис Джоплин[12].

– Простите?

– Не важно.

– Ты хотел сказать, как тебя зовут.

– Честер. К твоим услугам.

– Честер находится в графстве Чешир, – гордо сообщила она. – Я недавно учила в школе. Значит, ты Чеширский Кот? А как ты собираешься мне услужить? Сделаешь что-нибудь приятное?

– Просто не сделаю тебе ничего неприятного, – улыбнулся я, показывая зубы и окончательно решив все-таки отправить ее в распоряжение Мэб и Les Coeurs. – Считай это услугой. И не рассчитывай на большее. До свидания.

– Хм-м-м… – замялась она. – Хорошо, сейчас я уйду… Но сначала… Скажи, что ты делаешь на дереве?

– Лежу в графстве Чешир. До свидания.

– Но я… Я не знаю, как отсюда выйти.

– Я просто хочу, чтобы ты удалилась, – пояснил я. – Потому что если ты намерена выйти совсем, то это напрасный труд, Алиса Лидделл. Отсюда выйти невозможно.

– Не поняла?

– Отсюда невозможно выйти, дурашка. Надо было смотреть на обратной стороне бумажки. Той, что была на бутылочке.

– А вот и неправда, – задиристо заявила она. – Я погуляю здесь, а потом вернусь домой. Я должна. Я хожу в школу и не могу пропускать уроки. Кроме того, мама по мне соскучится. И Дина. Дина – моя кошка. Я тебе говорила? До свидания, Чеширский Кот. А не будешь ли ты настолько любезен, чтобы сказать, куда ведет эта тропинка? Куда я попаду, если пойду по ней? Там кто-нибудь живет?

– Там, – указал я легким движением головы, – живет Арчибальд Хейджо, для друзей просто Арчи, он еще больше чокнутый, чем мартовский заяц. Поэтому мы и зовем его Мартовский Заяц. А вон там живет Бертран Рассел Хатта, такой же чокнутый, как любой болванщик. Именно поэтому мы так и говорим: Болванщик. Оба, как ты уже, вероятно, догадалась – не в своем уме.

– Но у меня нет желания встречаться с безумными или сумасшедшими.

– Все мы здесь не в своем уме. Я не в своем уме. Ты не в своем уме.

– Ты говоришь сплошными загадками… – начала она, и глаза у нее вдруг сделались круглыми. – Эй-эй… Что с тобой? Чеширский Кот? Не исчезай! Не исчезай, пожалуйста.

– Дорогое дитя, – мягко сказал я. – Это не я исчезаю, это твой мозг перестает функционировать, теряет способность даже к горячечному бреду. Прекращает работать. Другими словами…

Я не докончил. Как-то не мог решиться докончить, дать ей понять, что она умирает.

---

[11] джин с тоником (англ.).

[12] Известная американская певица (1943-1970) стиля «Rhythm and Blues». Умерла, приняв большую дозу наркотиков.

– Я снова вижу тебя! – торжествующе воскликнула она. – Ты снова здесь. Не делай так больше. Не исчезай так неожиданно. Это ужасно. От этого кружится голова. До свидания, Чеширский Кот.

– Прощай, Алиса Лидделл.

Забегу вперед. В тот день я уже больше не бездельничал. Выбитый из сна и вырванный из благостной дремы, я не в состоянии был восстановить предыдущий настрой. Что делать, этот мир летит в тартарары. Никакого уважения и никакого почтения уже не проявляют к спящим либо просто отдыхающим котам. Где те времена, когда пророк Магомет, намереваясь встать и отправиться в мечеть и в то же время не желая будить прикорнувшего в рукаве его одеяния кота, отрезал рукав ножом? Никто из вас, ставлю что угодно, не решился бы на столь благородный поступок. Поэтому, полагаю, никому из вас не удастся стать пророком, бегайте вы хоть целый год из Мекки в Медину и обратно. Ну что ж, как Магомет коту, так и кот Магомету.

Раздумывал я не больше чем час. Потом – сам себе удивляюсь – слез с дерева и не очень спеша направился по узкой тропинке в сторону обиталища Арчибальда Хейга, именуемого, как я уже сказал, Мартовским Зайцем. Конечно, я мог, если б хотел, попасть к Зайцу за несколько секунд, но счел это чрезмерной любезностью, которая могла заставить Зайца подумать, будто мне что-то от него нужно. Может, немножко и было нужно, но проявлять это я не собирался.

Красные черепицы домика Зайца вскоре выстроились в охру и желтизну осенней листвы окружающих деревьев. А до моих ушей донеслась музыка. Кто-то – либо что-то – тихонько играл и напевал «Greensleeves»[13]. Мелодию, прекрасно сочетающуюся с временем и местом.

Во дворике перед домиком стоял накрытый чистой скатертью стол. На столе расположились блюдечки, чашечки, чайник и бутылка виски Chivas Regal. За столом сидел хозяин, Мартовский Заяц, и его гости: Болванщик, бывающий здесь почти постоянно, и Пьер Дормаус, бывающий здесь – как и вообще где-нибудь – невероятно редко. Во главе же стола сидела темноглазая Алиса Лидделл, с детской непосредственностью развалившаяся в плетеном ивовом кресле и обеими руками державшая чашку. Казалось, ее совершенно не волновал тот факт, что за five o clock whisky and tea[14] присутствуют заяц с неряшливо торчащими усами, коротышка в идиотском цилиндре, жестком воротничке и бабочке в горошек, а также толстенький суслик, который, впрочем, был вовсе и не суслик, а мышь-соня, дремлющий с головой на столе.

Арчи, Мартовский Заяц, увидел меня первым.

– Гляньте-ка, кто идет, – воскликнул он, а тембр его голоса недвусмысленно указывал на то, что чай в этой компании пила только Алиса. – Кто идет-то? Уж не обманывают ли меня мои глаза? Да ведь это, я процитирую Книгу Притчей Соломоновых, благороднейшее из животных с движениями изумительными и шагами благородными.

---

[13] «Зеленые рукава», песня, популярная в средние века. *Увы, любимая моя,Обижен горько я тобойТак долго я любил тебя,Так восхищался я тобой.*(Перевод Григория Кружкова)

[14] Английский традиционный «чай в пять часов» плюс «виски»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.